

А. И. РОМАНЧУК, М. Я. БЫКОВ

РИСУНКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОРАБЛЕЙ
ИЗ КРЕПОСТИ КАЛАМИТА

Памятники искусства Византии, дошедшие до нашего времени, позволяют в основном получить представление об официальных школах, наиболее распространенных сюжетах, которые могли по-своему разрабатывать отдельные мастера, но которые, как правило, не выходили за пределы принятых в обществе канонов. О народной художественной культуре мы можем судить только отчасти по различным поделкам из кости, рисункам на глазурованных сосудах, но и последние, изображая различных фантастических животных (чаще всего грифонов), воинов, всадников-змееборцев, являются разработкой традиционных сюжетов. Подобные изображения, будучи широко распространенными, отличаются трафаретностью поз, единой атрибуцией, за которыми исчезает индивидуальное видение. Индивидуальность проявляется только в степени мастерства исполнителя. Все эти памятники характеризуют художественную культуру общества в целом, дают материал для изучения технических приемов средневековых мастеров, но в меньшей степени позволяют получить данные для раскрытия духовного мира отдельных граждан.

Для изучения художественной культуры отдельных членов средневекового общества большое значение имеют рисунки не на изделиях, предназначенных для широкого пользования, а выполненные для себя, в минуты размышлений запечатлевающие увиденное рядом. Большой материал, позволяющий представить интересы рядовых членов средневекового общества, в какой-то степени приблизиться к пониманию их интересов, а также судить о народной художественной культуре, дает, например, коллекция рисунков на камнях крепостных стен Плиски и других средневековых памятников Болгарии, собранная Д. Овчаровым¹. Эти рисунки отразили самые различные стороны жизни: на них изображены дикие и домашние животные, всевозможные предметы, бытовые сцены и моменты охоты, т. е. все то, что окружало человека, интересовало и удивляло его. Несмотря на более низкий художественный уровень этих рисунков в сравнении с миниатюрами, рельефами на поделках из кости или металла, эти памятники расширяют наши представления как о духовном мире отдельных граждан, так и о жизни средневекового общества в целом. Некоторые из таких рисунков являются подчас единственным материалом, с помощью которого мы можем судить о не дошедших до нашего времени предметах.

К числу таких изображений относятся рисунки средневековых судов, которые позволяют в какой-то мере получить представление о древнем кораблестроении, «увидеть» упоминаемые в письменных источниках типы судов². Правда, развернувшиеся в последние годы подводные археологи-

¹ Во время пребывания одного из авторов этой статьи в Болгарии Д. Овчаров познакомил его с данной коллекцией, за что авторы выражают ему большую признательность.

² Интерес к изображениям судов вызван прежде всего тем, что, несмотря на внимание исследователей к истории флота, наши знания о средневековом кораблестроении

ческие исследования приносят много новых данных, в частности изучение остатков византийского корабля у Васси-Ада позволило представить не только размеры и конструкцию византийского судна середины VII в., но и его вместимость³.

В этой связи чрезвычайно интересна находка нескольких изображений средневековых судов в крепости Каламита (Инкерман). Во время проводившихся там в 1968 г. Херсонесским музеем реставрационных работ среди камней внутренней стороны кладки башни № 5⁴ было обнаружено два блока с процарапанными на них рисунками. В связи с их находкой перед исследователями встает ряд вопросов: когда, кем и с какой целью сделаны рисунки, какой тип судов изображен на них? На некоторые из этих вопросов мы и попытаемся здесь ответить.

Крепость Каламита в средневековый период входила в состав Мангупского княжества, являясь опорным пунктом владетелей Феодоро на побережье. Крепость существовала еще в XVI в., защищая порт⁵. В это время, как пишет М. Броневский, в Инкермане (Каламите) жили несколько греков и турки⁶. Возникшая в раннее средневековье, Каламита знала пять строительных периодов, последний — в XVI в.⁷ Самым значительным по масштабам было строительство в начале XV в., с которым связывают кладку из больших блоков⁸. Блоки, на которые нанесены изображения судов, входят в состав внутренней стороны кладки башни и, судя по размерам, положены во время строительства начала XV в. Расположены они на высоте около метра от пола в башне. Вероятно, рисунки выполнены уже тогда, когда камни лежали в кладке стены. До некоторой степени аргументом в пользу данного предположения служит то, что поверхность камней не обрабатывалась специально для нанесения рисунков. Блоки с рисунками, как и соседние, обработаны зубаткой, не имеют идеальной поверхности. Сделаны они из мягкого местного известняка и частично пострадали от времени. На обоих камнях изображено по несколько судов различного типа.

Наибольший интерес представляет блок размерами $0,75 \times 0,33 \times 0,19$ м., на котором изображены шесть судов. Линии рисунка судов различной глубины, они нанесены каким-то острым инструментом, возможно процарапаны ножом и затем углублены (рис. 1). Особенно четкий контур имеет рисунок судна № 1, изображенного в верхней части блока (рис. 2). Это одно-мачтовое судно с наблюдательной корзиной на верху мачты, от которой идут линии, изображающие снасти. Высокий нос, корма с площадкой оформлены глубокими линиями. Хорошо видны отверстия для весел, которые были расположены вертикально по три в ряд. От каждой группы отверстий отходит по три линии, изображающие весла. Несколько отличается от этого рисунок другого судна, расположенного в левой части плиты (№ 2). Это судно также имело мачту с наблюдательной корзиной, нос здесь такой же, как и у судна № 1, но корма изображена не плавной линией, а прямой. Кроме того, судно № 2 не имеет отверстий для весел, а по его корпусу проведены горизонтальные линии, которыми рисовавший хотел обозначить деревянную обшивку бортов (рис. 3).

Этот же тип судна представлен в меньших по размерам рисунках еще двух судов: одно из них — № 3 — нарисовано справа от судна № 1, другое расположено слева от носа этого корабля (№ 4).

Кроме этих четырех хорошо видимых изображений, просматриваются еще два. Одно из них (№ 5) расположено в верхней части плиты и частично скрыто изображением корзины судна № 1. Это судно удлинённых пропорций с низкой палубой, мачта не видна (рис. 4). Другое судно этого же типа помещено в нижнем левом углу (№ 6; см. рис. 5). У правого края плиты видны вертикальные линии, вероятно снасти еще одного судна, но это изображение очень сильно испорчено.

Поверх весел судна № 1 процарапана надпись (рис. 6). Судя по ее расположению, она выполнена после того, как был сделан сам рисунок. Буквы частично сбиты, но хорошо видны. Сохранилось 12 греческих букв.

Вероятно, надпись дошла не полностью. Слева от нее видны вертикальные палочки, возможно являющиеся началом надписи. Кроме того, поверх рисунка судна № 6 в левом нижнем углу процарапана монограмма (рис. 5). Остатки каких-то знаков видны на нижнем краю в правой части блока.

Не все рисунки выполнены одновременно. Первоначально было изображено судно № 5 и, возможно, № 6. Глубина линий их очень незначительна, кроме того, судно № 5 частично закрыто рисунком судна № 1. Позднее нарисовано судно № 1 и, возможно, суда № 4 и 2, а также сделан рисунок судна № 3. Надпись и монограмма процарапаны уже после того, как все поле плиты было заполнено рисунками.

Тип судов, изображенных на данной плите, не имеет прямых аналогий среди дошедших до нас изображений византийских кораблей. Наиболее близки им рисунки византийских дроманов палеологовского времени (суда № 1—4)⁹ и Χάραγμα δρομῶνος XI—XII вв.¹⁰ (суда № 5 и 6).

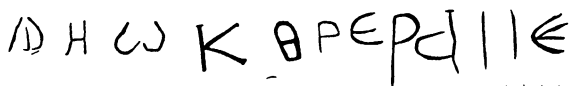

Рис. 6. Блок № 1. Прорисовка надписи.

Возможно, последний тип судна — неф, или χάραγμα δρομῶνος, представлен на торцовой части другого блока (его размеры $0,42 \times 0,37 \times 0,15$ м). Камень обработан только с лицевой стороны, на которой нанесен рисунок, выполненный тонкой линией, глубиной в 1—2 мм, линии весел, мачты более слабые (рис. 7, 8). В отличие от судов № 5 и 6 первой плиты здесь очень хорошо видны весла. Поверх изображения судна видны остатки букв, среди которых наиболее четко прослеживается только К. На второй плите нарисована также небольшая парусная лодка, поверх изображения которой художник начал рисовать еще какой-то предмет.

Выполнены ли рисунки на втором блоке тем же человеком, что и на первом, сказать трудно. Если судить по характеру изображений, то можно предполагать, что суда № 5 и 6 первого блока и рисунок на втором камне выполнены одним человеком или в близкое время. Изображения очень похожи, у всех трех судов проведены горизонтальные линии, обозначающие обшивку бортов.

Так же трудно решить вопрос о том, кто и зачем изобразил суда на блоках крепостной стены Каламиты. Возможно, что это был один или несколько поочередно рисовавших воинов, охранявших крепость в начале XV в. Но несомненно одно — рисунок должен был изображать то, что часто видел рисовавший, т. е. суда, заходившие в порт Каламиты.

чрезвычайно отрывочны. В работах общего характера древнему судостроению отводится, как правило, лишь несколько страниц. См., например: *Kozłowski B. Istoricul navei. București, 1960*; *Hänke H. Männer planken Ozeane. Berlin, 1963*; *Бончев П. Човекът навлиза в морето. Варна, 1967*; *Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. Л., 1977*. Наиболее полной работой о средневековых кораблях является статья Й. Луеича (*Luetič J. Tipovi brodova Hrvatskih primorskih gradova u Lipantskoj bitki. — Adriatica maritima, 1974, vol. I, с. 29—37*) и греческое исследование К. Алесандри (*Ἀλεξάνδρη Κ. Α. Ἡ θαλάσσια δύναμις ἐν Βυζαντινῇ Ἀυτοκρατορίᾳ. Ἀθήναι, 1956*).

³ *Bass G. Underwater Excavations at Yassi Ada: A Byzantine Shipwreck. — AA, 1962, t. 3, p. 546.*

⁴ План крепостных стен Инкермана приведен в статье: *Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. — ЗООИД, 1886, 14.*

⁵ *Броневский М. Описание Крыма. — ЗООИД, 1867, 6, с. 343.*

⁶ Там же.

⁷ *Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч., с. 190.*

⁸ *Веймарн Е. В. Средньовічний комплекс фортеці Каламита. — Археологічні пам'ятки УРСР, 1963, 13, с. 80.*

⁹ *Ἀλεξάνδρη Κ. Α. Op. cit., с. 56.*

¹⁰ *Ibid., с. 63, πίν. 4, с. 314, πίν. 7.*

Это предположение заставляет еще раз вернуться к вопросу о том, какой же тип судов изображен на исследуемых рисунках. Византийские суда могли заходить в порт Каламита даже непосредственно из Константинополя, тем более что мангупские князья состояли в родственных отношениях с правителями Византии ¹¹. Но едва ли приход судов из Константинополя был столь частым событием, чтобы рисовавший мог запомнить детали их оснастки и сравнительно точно передать на камне. Вероятнее другое: венецианские и генуэзские суда начиная с XIII в. постоянно подходят к этой части берега, следуя в Феодосию или расположенную по соседству Балаклаву. Поэтому более правдоподобным представляется, что неизвестный художник изобразил торговый итальянский караван, в состав которого могли входить различные типы судов. Но вне зависимости от того, изображены ли здесь византийские дроманы или вытесняющие их начиная с конца XIII в. венецианские галеры ¹², несомненно то, что сделавшие их изображения обладали известным талантом, позволившим им запечатлеть на камне то, что они видели рядом с собой.

¹¹ *Спиридонов Д. С.* Заметки из истории эллинизма в Крыму. — ИТОИАЭ, 1928, т. 2 (59), с. 92—102.

¹² *Бончев П.* Указ. соч., с. 24. В пользу этого предположения склоняет находка венецианской золотой монеты XIV в., найденная во время зачисток внутри башни (ГХЗ, инв. № 10563).